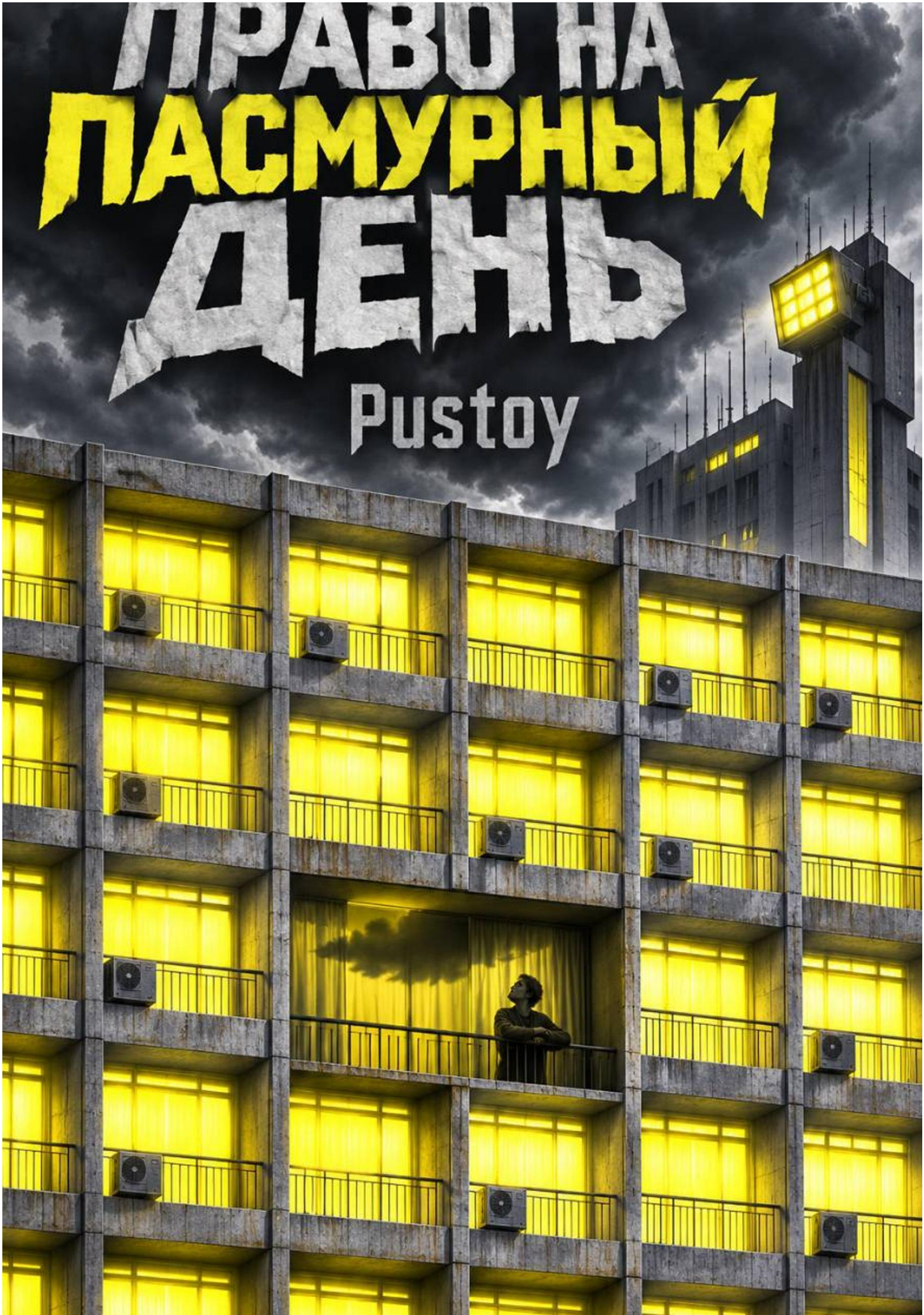
ПРАВО НА ПАСМУРНЫЙ ДЕНЬ

Pustoy



Pustoy

Право на пасмурный день

«Автор»
2026

Pustoy

Право на пасмурный день / Pustoy — «Автор», 2026

В Створе у каждой тени есть хозяин. Питомнику Антоновых полагается пять часов солнца в день. Даже если придут тучи, город включит лампы. А куда падает лишний свет, по договору значения не имеет.На дежурстве электромеханик Олеся Антонова видит, как плавится штора в жилом окне. На городской схеме вместо дома — пустая стена старого завода. Подпись под схемой её собственная.За стеной живут тридцать восемь семей. Они хотят одного: чтобы в пасмурный день у них за окном было пасмурно. Исправить ошибку технически несложно. Но свет семейного питомника отдан банку в залог, а единственное, что Олеся может предложить взамен, — половина дома, где растёт дочь её мужа.Текст романа и иллюстрация обложки созданы с помощью искусственного интеллекта.

© Pustoy, 2026
© Автор, 2026

Содержание

Глава 1. Белая сторона 6
Глава 2. Саженцы поштучно 10
Глава 3. Чистое бельё на вес 14
Глава 4. Бригада переменного состава 19
Глава 5. Жёлтый коридор 23
Конец ознакомительного фрагмента. 27

Pustoy
Право на пасмурный день

Pustoy
Право на пасмурный день

Глава 1. Белая сторона

Одиннадцать лет я выдавала свет, а меня впервые поблагодарили за ошибку.

На Семнадцатом уклоне стоял ребёнок и держал над головой разорванные штаны. Они надувались тёплым воздухом, две ноги росли из его рук; по притихшей перед полуднем улице бежала смешная четырёхногая тень. Ребёнку было лет шесть. Я открыла боковое окно и крикнула, чтобы он подошёл к стене.

— Зачем?

— Сейчас тележка поедет.

— А пусть!

Тележка весила семь тонн, даже если выкинуть оттуда меня, слесаря и ящик с бутербродами. Оранжевые штанги перед ремонтом ей укоротили и спилили, как загущённые деревья. Верх занимала квадратная вышка, которую можно было поднять до путевой опоры. В Створе пассажирский трамвай сняли давно. Номера со старых фонарей кое-где оставили, и водительская дверь нашей технической мастерской возила на себе десятку. За складными воротами вдоль реки на таких же рельсах в жёлтых баллонах катался сжиженный газ и длинными серыми ящиками упакованный молочный порошок. Дети всё это знали, отлично различали опасности. Я повторяла своё «к стене», как положено.

Мальчик отпрыгнул. Я дала ход, рельс под левым колесом цокнул. Ещё лет пять — и, наверное, снимут. Дороже всего содержать лестницы и тележки, которые эти расходы оправдывают раз в четырнадцать лет.

Слесарь Полина сидела за моей спиной с мерной вилкой на коленях. От одного локтя к другому её рубашка проклеилась солёным потом, но расстёгиваться она не собиралась. У неё на груди крупно вышито «П. Синицына, допуск 3», а под ним маленькими синими буквами «Женские резинки, уп. по 8 штук». По совместительству Полина вязала резинки для волос из разноцветных полосок на заказ. Магазин «Бант» платил ей полторы тысячи в месяц за рекламу на экипировке. Дома у неё была младшая сестра и ребёнок, а волосы она сама стригла коротко под нижнюю кромку уха.

— Посмотри чуть влево от парковочного столба, — сказала она. — Желто? Что у нас там так блестит?

Между уклоном и задником ближайшего дома лежала рука света. Длинная, узкая, белая по самому краю, загнутая у грунта. Обычное отражение от поезда рвётся, потому что движется сам поезд. Этот след доходил до асфальта, пересекал его и ложился на пустую скамейку за решёткой бывшего завода. Две секунды ничего не происходило. Затем в крайнем низком окошке за скамейкой вздулась штора, открылась рама, и на улицу красиво полетел кусок зелёной ткани. Кусок приземлился в пяти сантиметрах от колеса. Не взялся огнём, красные лампочки нигде не замигали. Только в самом центре, где у шторы был общежитский рисунок из полосок и половинок яблока, материал вспузырился бурым ломким пузырём.

Я сбросила ход. Снаружи дребезжала полузакрытая жалюзийная дверца, которая при отходе вагона должна была встать на маленький пружинный крюк. Потянула её вниз автоматом. У мальчика в руках больше не было штанов.

— Сколько? — спросила я.

— Сто двадцать по поверхности. Мгновенный, — сказала Полина. — Перемещается. Теперь у меня тридцать девять. Это не зачищенная кромка панели засветила. Сама увидишь скоро.

Из окна высунулась женщина. Тонкая майка у неё была прикрыта школьным серым фартуком с когда-то красивой аппликацией: три цыплёнка взбираются на непривычно похожую на лестницу мать. Протянула одну руку в сторону нашего вагона, двумя крючками пальцев

позвала к себе, показывая, что залезать в эту минуту к ней в квартиру необязательно. На руке блестела обгорелая серебристая нить.

— Штора чья? — спросила я.

— Городская, — сказала женщина. — Пришло наконец время узнать её хозяина. Я у вас что, должна пульсометр носить на гвозде?

У неё был телефон, у меня табель. По табелю сегодня следовало занести температуру отражающей кромки на переключении нового тарифа для крытого рынка и сады. По телефону она с самого утра пыталась добиться встречи хоть с какой-нибудь бригадой. Спрашивала: новости по свету во сколько? Ей отвечали: новости на второй домашней программе. Один человек предположил, что у неё установлен фильтр от старого образца ламп и именно от этого ей в квартире жарко.

— Мне обратно ваши деньги за штору не нужны. Посмотрите на стол. У меня по эту сторону вот настолько солнце было. У меня его второй раз за месяц присылают. А вы поставьте хотя бы мусорную корзину сюда. Или столб. Тогда оставьте свет на ней и приезжайте завтра смотреть, сколько мух спеклось на дне.

Она взяла меня за запястье. Маленькие обветренные пальцы. Её стол был самым обыкновенным, вроде нашего с Дамиром, качающегося с одной стороны, и звать его некоторой особой точкой света не имело смысла. Но посредине у стола из-под клеёнки выдуло краску. Я заглянула в квартиру через подоконник. Сложенные две тряпки за горлышком пылесоса. На кофейнике двухпалая косматая рукавица для сохранения тепла, как те самые штаны. Прохлада и темнота от спальни за шкафом. Скорее всего, три маленькие комнаты, когда ставили стены, подумали сперва, куда войдёт шкаф. Лежавший на клеёнке медный пятак я подцепила краем ключа и перевернула. Он был горячий, руке больно.

— На этой неделе пробуют перекладку тридцать восьмой зоны, — сказала я. — Платформы поворачиваются. При парковке мог проскочить край зеркала. Можно я посмотрю ваш световой талон? Вы что заказывали?

Женщина выпустила мою руку. Я ещё не разучилась чувствовать, когда человек что-то хочет о тебе понять. Но полгода по приёмке новых подвесок, а перед этим почти четыре по старым приучили укладываться в пять минут. Она вытащила наполовину разорванную желтоватую полоску, уже вылинявшую на солнце до цвета яичного белка. Подпись и имя были прежде синего цвета. Отлично сохранились длинный квадрат с тремя углами группы и старый перламутровый кружок с номером: сверни талон по короткому краю, приложи глаз и прочти.

— Створ, Бойная низина, техническая плоскость сорок семь, — прочитала я. — Не нагибайтесь обратно. Тут отсутствует мощность освещения жилых помещений. Плохой выдали, наверное, когда регистрацию делали. Вы с каким-то учреждением заключали договор?

— В восемь утра нам в каждую дверь такие роздали. Там в пустой провели черту и в десять вернулись, сказали, что всё уже верно. Если дом не согласен, он может по понедельникам до двух часов за мостом обходной лист взять.

Я отступила. С моей точки и в самом деле весь старый эмалевый завод был ещё жилой недвижимостью последней стадии реконструкции. На плане нашей службы выделены вывески технического цеха и формовочного двора. Рельс входит под землю, кабель идёт примерно посередине. Выше низкого карниза бежали шестнадцать окон, каждое хорошо обжито, с форточкой или без, даже железные столики на кронштейнах в некоторых, чтобы поставить хрупкое растение не заслонив свет соседним. При прежних жильцах, если они выезжали подальше от постоянного шума рынка, никто бы о Створской котловине так не подумал. Не завод на отшибе, а по письменной справке прямо промышленная плоскость.

— Кто здесь живёт? — спросила я и поняла, какая у меня получилась идиотская фраза.

— Так, значит, заходим как грудные дети, — рассердилась женщина. — Видела я, какой у вас вагон. Синие такие колёса. Весь месяц по уклону туда-сюда. Что, ни одного записного человечка с собой ни разу не взяли?

Полина уже поставила измеритель. Распечатала на маленькой катушке ленту: диаграмма, наши координаты, часы. Отчёт ясно показывал превышение только в конкретной точке. На остальном протяжении улицы зелёная горизонтальная полоса держалась как раз посередине. Сейчас она выглядела особенно омерзительно.

— Дайте я выпишу вам номер обращения, — сказала я.

Мальчик с двухногими штанами выполз откуда-то снизу у левой опоры. Зад у него был в песке. Принял обеими грязными руками термобумагу, понёс хозяйке через улицу с таким явным отвращением к самой мысли, что надо куда-то бежать, что я не удержалась, улыбнулась. Уже когда садились обратно, он нагнулся и плюнул точно на рельс перед правым колесом. Женщина к тому времени затянула своё окно полосой картонки.

В полдень я поднялась на площадку группы тридцать восемь. Забиралась с наружной стороны по лестнице на зубчатой направляющей. В руках инструмент, к поясу прицеплена страховка. Из парящего внизу воздуха на каждом высотном метре уходит по одной домашней подробности: сперва нельзя разобрать цвет льна на верёвках; потом люди становятся просто чёрными руками с пакетами; и ещё выше невозможно отличить розовое пятно вчерашнего арбуза от бампера чьего-нибудь велосипеда. Ну и правильно, думаю. Один раз уже так забралась на большую высоту, перестала различать чужие лица и починила с тех пор двадцать пять кабельных опор, которые иначе бы рухнули на город. Но в этот день наверху мне показалось, что у всех домов котловины поднятые к небу веки.

Солнце мы не производили. В пасмурные часы станции досветки поднимали сколько могли из накопителей. При ясной погоде полотна с серебряными краями ездили на рельсах над улицами и откидывали прямой свет туда, где его купили. Под полотном, естественно, получалась тень. Хозяева домов выкупали часы прохлады для жилых помещений, цвет метки показывал, сколько продержится полумрак: синий, оливковый, золотистый, белый. Чем дольше смотришь на вполне отточенную вещь, тем проще считать, что тонкостей в ней приблизительно столько же, сколько краски на поверхности. На самом деле у платного света была обратная сторона. И в Створе она называлась белой.

Залезла под гребёнку. Показание по углу штатное. И по уровню смазки, и по скольжению опоры. Под серым крылом жар был чуть меньше, чем на асфальте, и в отверстие пролетела за мной бабочка. У неё допуска никто не спросил. Посадила её к себе на палец. Подбросила. Открыты окна ближайшей башни, там на уровне моей головы мальчишка с прибранной в хвост чёлкой сунул в рот ложку. Тоже меня не заметил.

— Я бы даже строку не меняла, — сказала Полина снизу. — Здесь фактический угол семь и восемь по заказу. Борт делал своё дело. Ты такую геометрию нам начерти, чтобы его под кинутой тряпкой дважды за месяц поймать.

Возвращаясь последней к вагону, я заметила под нашей передней колёсной парой бумажный край. Мальчик сунул туда свой талон. Его ещё можно было разглядеть по оборотной стороне с карандашным рисунком: квадрат, над ним прямоугольник, справа рёбра жалюзи, снизу человеческая рука. Я не знала, что гораздо позднее мне припомнится именно эта рука — знак на многих районных табличках, умение механика в решительную минуту сохранить что-то важное по пути следования. Просто вытащила из-под тормозной пластины, расправила. На обороте, под нарисованным неумело, но правильно по отношению к нашему пути вагончиком, стояло от руки: «Добавьте нам пасмурный день, пожалуйста». Фиолетовым прозрачным маркером. У мальчишки, судя по всему, если уж и были сбережения на бесплатную доставку заявлений, то где-то ровно на один маркер.

У выхода с уклона от путей уходила ветка на «Щепку». Над рельсами гремели банки с жуками-короедами: отец ставил опыты, а рабочие потом всё лето спрашивали, нельзя ли хотя бы в воскресенье снять караул. В детстве у нас в саду висел термометр, застрявший на восемнадцати. Воду для полива проверяли, опустив руку в ведро. Теперь только на мою долю навеса приходился кредит в полмиллиона. К этой ветке я всегда подъезжала медленнее, чем к другим.

Я затормозила на зелёном разноугольнике объезда и помахала отцу через стекло. Он стоял на воротах у сарая с ящиками свежей гортензии. Гортензия продавалась плохо, у двух верхних соцветий оторваны все белые цветочки, остались одни тканые серединки.

Сзади раздался стук. Женщина из квартиры, которую я успела мысленно приписать к заводу, догнала наш вагон. Серый фартук она стащила и обмотала вокруг ладони. В левой руке держала длинную тонкую полоску ткани, одну из тех штанин, с которых всё началось. Запыхалась. Издали выглядела так, словно до неё только что дошло, кому она обязана прижжённой шторой.

— Спасибо, — сказала вместо этого. — У вас вагон встал на девять минут. Я за девять минут накормила мать. Солнце тогда не туда слетело, от зеркального вашей кабины прямо во двор. В квартире дышать можно было.

— Мы завтра не стоим, — ответила я по старой конторской привычке. — Вагон завтра отдыхает.

— Да мне-то что с вашего завтра? Это я знаю. Я вам про сегодня спасибо сказала.

Она вынула из-за кожаного ремешка мою квитанцию, которую я прежде держала за обложкой блокнота. Сквозь маленькое круглое отверстие у левого края светило небо. Талон с рисунком вагончика и подписью она попросила оставить мне лично.

— Его всё равно считыватель не принимает. А у нас дети уже большие, знают, что писать надо разборчиво. Меня Дарьей зовут.

Отошла, задрала длинный конец серой штанины на плечо. Воздух был тяжёлый и горячий; висящие полотна неподвижно сохраняли нужное освещение для квартала на склоне. У женщины, за которой закрывались коричневые заводские ворота, под мышкой блеснула мокрая полоса. За восемь часов в бригаде я всегда успевала увидеть такое ещё раз тридцать. В первый раз догадалась, с чего оно там берётся.

Глава 2. Саженцы поштучно

Отца я нашла на холодном полу в сортировочной. Он лежал на спине, колени подняты, на животе перевёрнутый пустой горшок. Услышав шаги, приподнял горшок первым, под ним обнаружилась вторая ёмкость, поменьше.

— Твою мать! — сказала я. — Костя, ты что делаешь?

— Меряю вместимость. Сверху ставлю один, внутрь секатор и весь мелкий инструмент. Хочешь поставить вместо стола на прихожей своей, так и говори. Я тебе не отдам.

Красная труба от поливочной линии проходила у самого пола. Отец обвешивал её то тряпками, то алюминиевой стружкой, проверял, где подтекает. Сейчас тряпки лежали на голом бетоне. Я стянула с него оба горшка. Под рубахой у отца телесное устройство было крепкое и округлое, ремень вытерся ровно посредине, а в пряжке держалась крупная сухая еловая иголка, не додумавшаяся съехать вниз.

— Поспать прилёг, — признался он. — А горшок себе на живот, чтоб никто не решил, будто мне плохо. Если стало плохо, тебе бы, я думаю, соседи немедленно тележку тормознули.

— А иголка для чего?

— Для величия вида. Я тебя не от работы отвлекаю?

Он меня никогда не спрашивал, с каким таким делом пришла. Глупая наша пословица гласила, что когда дочь у отца спрашивает о деле, двум хозяевам есть что делить. Первым хозяином в нашем случае был он. На воротах было написано «Питомник "Щепка"». Со двора видны были только ящики с саженцами да низкие заборы. Однако отец мог всадить в землю сломанную макушку каланхоэ и через два месяца вытащить сверху растение, а снизу целое ведро мелких белых корней. Поэтому в детстве я всегда забирала его из разных мест на час позднее условленного: то в городском театре подтягивал зелёные верёвки над ящиками, то на почте учил доверенную ему дамочку, как заполнить дырку в горшке. Добрейший человек, когда надо отдать что-нибудь твоё. Со своим давно уже разобрался. Моей матери он за двадцать лет их жизни вместе лично ни разу не посадил цветка. Не потому что не любил. Мама уезжала от него с половинным чемоданом и хотела увезти кое-что живое, а он выдал ей три полоски горькой рябины — в машине, дескать, не завянут. Следующей весной рябина распустилась за её новой квартирой.

К полудню рассада требовала места на отгрузочной полке. Покупатель из загородного парка укоротил заказ на сорок гортензий. Илья, младший брат, в тёмных рабочих джинсах с запасным коленом от чужой куртки, снимал сверкающие обоймы с расставленных по номерам горшков. Дамир на нижней скамейке чинил лейку. Честно говоря, так себе чинил: просовывал внутрь ручки крошечный шнурок, проверял, не уронит ли, и просовывал обратно. Его ночная смена кончилась три часа назад, он уже клевал носом над пучком непокорной пластмассы.

— Кто на пекарню вызвался, — объявил отец, — тот пекарем и отработал. Иди ложись. Сейчас с тебя пчела размер снимет для штанов, не почувствуешь.

— Саша переодевается. У нас к половине третьего приём у стоматолога. Я сейчас на ваши ящики прилягу, и только по запаху горшка на животе можно будет нас потом различить.

— Лёся, там от Мела приходили, — сказал Илья. — Сумму принёс на бумаге и новую схему загрузки. Старик ему в прошлом месяце отрезал бесплатную сливу, думали, урок усвоил. Нет, возвращается. Переглянитесь хотя бы между собой, после скажите, будете со мной разговаривать или нет.

Он протянул мне бумагу с зелёной печатью и голографическим полем. Прижимая края ухоженными длинными пальцами, на мизинце уверенно устроившимся под прозрачным лаком следом земляного компоста, парень походил на папу ровно в тех вещах, которых всю жизнь в нём опасался. Увидеть в мелкой клиентке знатока полива, в мастере водоотведения — чело-

века, которому хочется показать красивый цветок. Про себя думал: я в продажах и всё умею считать. Генетике, как я прикидывала, было глубоко наплевать на его мнение.

Бумага называлась «Переуступка гарантийного плеча». Дома мы так её никогда не называли. Говорили «окна», потому что прямое обязательство включить досветку, когда над тобой небо сжигало свои серые початки, на старом бланке обозначали чистым квадратом с четырьмя стёклами и тонкой полоской на нижней трети. Наша семья владела пятью часами устойчивого освещения в сутки по группе 38. Пять часов считали с марта по октябрь и с лишающим сна коэффициентом после листопада. У отца с матерью прежде имелась одна толстая книжка, куда ежемесячно впечатывали по четыре чёрных метки, означавшие, что заплатили за ток на случай туч и страховку на случай сильного бокового ветра, при котором кран лучше складывать. Потом дед умер и книжки разнесли по долям. Отцу отошло сорок створок, Илье двадцать, мне десять. У матери ничего не осталось по её давнему решению. Саша, тринадцатилетняя дочь Дамира, считала сызмальства, что после её смерти, если она внезапно умрёт за математикой, старшие поделят между собой терпение высидеть на стуле до отбоя. Впрочем, это рассуждение было никчёмным утешением и ушло вместе с частью остального детства. Однажды мы её застали с линейкой: измеряла, сколько нашей крыши кому положено по-честному.

Предлагали цену, по которой можно закрыть долги за капельное хозяйство, поставить отцу в доме новую лестницу и купить три квартиры у цементного сквера. Если, разумеется, не пытаться делать из дома над питомником какой-то второй источник получения денег. За наши окна станции «Спектра» получали вечное право на закреплённый минимум. У нас оставалась земля, орошение, деревянный бизнес и столько солнца, сколько форточки успеют пропустить. Благодаря дырявой антикризисной системе этой весной мы видели облака ровно шесть раз, и четыре раза — во время ремонта. Дамир смотрел в бумагу через моё плечо. На концах ресниц у него засохла мука, наверное, ещё утренняя. Никакой отцовской или братской земли у него самого никогда не было. Молодость просмеялся, приглашая на прогулку женщин с парой лишних комнат. Спасибо первым двум, что развелись с ним без большого скандала. Потом пришла Жанна, с ней у него родилась Саша. Сашу поначалу растили втроём, если считать бабушку Жанны, потом вдвоём, потом какое-то время они собирались по субботам в кафе в середине города. Я в них влюбилась уже очень взрослая, женщиной, которая считала, что научилась не переводить лишние деньги за чужие окна.

— Если так, — сказал Дамир, — у «Щепки» после переуступки остаётся отопление грядок между февралём и апрелем?

— Там на отдельной линии тепло, — ответил Илья. — До апреля мы спокойны, если только света продаём часть. За всё меньше сбор, поэтому пакет. У них нет ставки для ферм меньше чем на десять тысяч метров.

— У нас восемь восемьсот.

— В том и дело. Ты там сейчас прочитаешь ещё шестой пункт: подготовительный бонус. Мы готовы как самостоятельные люди забрать бесплатные выходные, потом станем думать дальше. У каждого коммерческого термина в этом тексте имеется какой-нибудь смешной эквивалент в домашнем словаре: стол, банка, яма. Электричество, например, называется «добровольный выход на праздник».

Я перевернула лист. Восьмой пункт разрешал три семейных дня с облегчённой заявкой на личное затемнение. Такие дни взрослые люди когда-то получали ежегодно к июньской ярмарке на Стрелке. Под свои кружевные тенты они собирали соседей: не для того, чтобы всем вместе лечь на обочину и спать, лишь бы без солнца в глазах, а чтобы поесть огурцов, потанцевать, дать рулетке скатить деревянный шарик. Многие старые договоры сохранили эту милость. Однако стоило считать её денежной премией и прописать раньше безадресного общественного пользования — и у «Спектра» оказывалась ещё одна перепроданная семья, из тех, что вчера к ним отродясь не приходили.

— У нас праздник десять лет бесплатный, — сказала я. — Тут написано: три лишних дня вне действующего тарифа. Значит, кто сочтёт нас людьми не очень умными, такого мнения о себе и окажется. Когда ответ от нас ждут?

— Через десять дней, — сказал Илья. — Но старик им уже ответил, что верхом на козе его не подъедешь давить. И без козы тоже. Они указали: доставлено в присутствии. Я один ставил подпись.

Отец тем временем уже стоял в дверях и доставал у меня из пакета угловой бутерброд.

— Я сказал: «На козе не объедешь», — поправил он. — Если под колёса положишь, будет нечеловек. Мы же их сюда зачем-то пускаем. Тебе, Илюшка, всё сильнее хочется что-нибудь продать. Ты мне тогда первый продай самую длинную грядку и я тебе перестану быть должен за капельники.

— Каким образом я тебе продам то, что тебе принадлежит бесплатно?

— Даром, — сказал отец. — Забирай.

Сашка вошла с высокой причёской, которой хватило бы на двух разъярённых взрослых балерин. В руках у неё оказались сложенная газета с объеденными кромками и фотоаппарат «Лира» с расколотой прозрачной шторкой у объектива. Согласно давней договорённости, аппарат снимать и приносить в дом разрешалось с отдельного согласия Жанны. Официально Жанна считала, что плёночное фото даже для очень взрослого ребёнка обходится в сумму хорошей частной школы, и стоимость расходной лаборатории у неё не заложена ни в один из коммунальных счетов. Неофициально она хотела, чтоб Сашка довела собственные снимки до выставки и поняла, сколько труда или денег ей это будет стоить. На что у неё в свою очередь затратилось своей разведённой жизни семнадцать лет, настойчивости и один отчисленный из-за просрочек технический курс. У Саши пока не было окончательного мнения.

— Посмотри, что я нашла, — сказала она мне. — Этаж племянницы Кочкина, у неё номера такие же, как у тебя, только снизу колёсико и у чёрного деления нет полосы. Мама обещала отдать мне твою линзу, если ты за нею зайдёшь. Ближе не трогает.

— Я разве сегодня к ней собиралась? Мы же вечером вас берём готовить стол, потому что, как выражается молодой хозяин, у нас незапланированное многоцветье.

— Ты не заносишься. А я поеду сама, если человек, который ждёт свои зубы, ему не будет жалко соседней жизни.

Дамир поднял лейку. Шнурок выпал ему на колено, свернулся восьмёркой. Разбудить кого угодно, если у него наизготовку имеется дочь, способная разговаривать таким мучительным языком, — дело двух минут.

— Зубы, — сказал он. — Садимся в поезд через полчаса. Выбирай, что наденешь про зубы или про аппарат. Можешь оба, если не боишься опоздать. Олеся твою линзу не обещала тебе взять, спросила только про этот долгий вечер.

Саша поцеловала меня в щёку холодными губами — только что у холодильника доела третье мороженое. Повернулась, размахнула своей птичьей косой, и каждый на этот протяжный шёпот, которым волосы издают трение о собственное плечо, перевёл дыхание. О штанах и про испорченную штору я пока не рассказала ни одному человеку из семьи.

Отец поставил кресло рядом со мной, не спрашивая, считал ли кто-то нужным ему здесь сидеть. Издали пышный, питомник с высоты его и моей пятой точки не нёс ничего, кроме текущих расходов. Нужна новая проводка на семи стойках. Щебёнка во дворе просела настолько, что поливальные шланги давали воду в двенадцать разных мест из одной дырки. Лианы, с которыми заключил большой годичный заказ отель «Тихонравов», размёрзлись из неплотно закрытого корпуса и теперь требовали новых прутьев. В одном из крайних пустых ящиков через землю проткнулась кепочка грибка; отец взял её двумя пальцами и понюхал. У него между большим пальцем и указательным с двенадцати лет был зелёный шрам.

— Я хочу, чтоб ты в воскресенье с ним сама посидела, — сказал он. — С Ильёй. Для меня он до сих пор мелкий, мне это неприятно признавать. Ему нельзя всю жизнь за мой старый сад платить, потому что я никак не умру. У тебя есть что ему ответить?

— Пока нет.

— Так и надо сказать. Сколько людей платит сегодня за твою работу?

— Смотря по тому, какую её часть брать. Четыреста домов, если все группы; человек, наверно, семнадцать точно знаю по имени.

— А эти восемнадцать? — Он повёл подбородком туда, где под крышей мастерской в эти часы кипятили в запотевшем трёхлитровом чайнике свежий отвар скорлупы на подкормку. — Нам с ними как быть? Если продам всё, ты и брат в квартирах, а они в своих уже жили. Им за работу платили. Мы не наймём теперь их всех по своим квартирам ходить и поливать цветочки на подоконниках. Шесть из них ко мне ходили, спрашивали, не пора ли им покупать пай. Я им ничего не ответил. Сейчас покупай — осенью останешься ни с чем.

Я вынула из кармана сложенный вдвое талон. Отец посмотрел на рисунок, потом сквозь него на меня. Чёрные брови почти незаметно качнулись. Там, откуда в самом деле приходит свет, обыкновенно очень далеко до собственной памяти. Отец взял нашу жёлтую полоску, вынес сквозь дверь в сад и поднёс к небу. Под чужим фиолетовым маркером открылась прежняя строка, выведенная ржавой печатной лентой.

«Для группы 38 дальней плоскостью считается производственный карман у литейной стены».

— А это мы, — сказал он.

Я сложила квиток по старой складке.

— Что значит «мы»?

— Ну, наш сад. Отражатели на Садовой висят гребнем. От нас, когда угол низкий, под купол к рыночным прилавкам. У тех скидка на субботний прямой свет, а когда перебор — где твоему избытку оставаться? Ты на карте посмотри по диагонали. Там же быть солнцу, рядом с нами на косом, если рынок не разобран и лунки не углубились.

Впервые в моей жизни мне нечего было возразить. Я умела подсмотреть на чертеже ветер; но догадайся простая человеческая девочка заглянуть в то место, куда отбрасывает её собственный участок белую обратную сторону, не понадобилось бы ждать, когда у школьника сгорит в квартире штора.

Отец вернул мне талон.

— Про такую погоду попросить можно, — сказал он, — а к какой она службе прибудет, я не знаю. Может, и не дождёшься.

На сортировочном столе зашипела вода. Илья подставил горшок под дальнюю трубку, дождался, пока вышибет воздух, и только тогда опустил в землю саженец. Вода попала ему на башмаки. Он поднял голову: я всё ещё стояла с талоном в руках.

Глава 3. Чистое бельё на вес

У нас свет выдавали по минутам, воду продавали мутной, а чистое бельё до сих пор взвешивали. Хозяйка прачечной клала корзину с мокрыми простынями на круглую стальную платформу, опускала сбоку тяжёлую ручку. Круг под корзиной поворачивался и ехал вверх. Пустая соседняя чаша с литой рябиной, оцарапанной двумя поколениями домашних кухонных приспособленцев, садилась на ноль. Стрелка без всяких электронных ухищрений называла пятнадцать кило. За пятнадцать кило белья выходило двести сорок. Граждане, которые приносили к Дарье двойное кроше шесть на шесть с ручным подгибом, платили столько же за вес, сколько владелец хреново сшитых рабочих штанов.

В воскресенье я пришла к ней с мешком обрезков фетра. На них у нас в «Щепке» ставили горшки, ловили полосы почвы, и, как я выразилась бы ещё вчера, служили моей семье доходом. Я не могла прийти с пустыми руками в дом, где сутки назад такой фетр мог запалить всю квартиру.

В раковине плавали две жёлтые большие губки, от них шёл тонкий аромат мандариновой щётки. Женщина стирала в коридоре раздвижную дверь. Надпись «ПРОМЫШЛЕННАЯ ПОЛОСТЬ 4» из-за мыльной пены стала «МЫШЛЕННАЯ ПОЛОС». Я постучала костяшками по железному наличнику.

— Вчера видели друг друга.

— Вчера, — подтвердила Дарья, не оборачиваясь. — Мы ни белья не принимаем в воскресенье, ни мыльницу с пола не поднимем. Вам что-то другое нужно?

Я потащила фетр обратно. Дарья ногой подвинула швабру из открытого прохода.

— Клади к весам. Я же не сказала, что руками занимаюсь. Вы так с утра договариваться научены? Сначала то и сё, а потом двести простыней разом. Обычно сначала говорят, на тряпках следы нефтепродуктов или можно в обычную машину.

— Земля. Заводской грунт, пропаренный в марте. Нам к пятнице.

Она вытерла пальцы о свой фартук и отсчитала сдачу тремя круглыми монетами. Картой здесь не принимали. Никто и не спрашивал, будто заходят сюда только известные ей поимённо прихожане одного прихода, живущие в своём отдельном городе. У других прачечных Створа в это утро очереди: рынок готовился к началу летних выходных, повара снимают халаты, замачивают фартуки над большой буфетной мойкой, бухарские ряды отпускают в дезинфекцию материю, которой прикрывают ветреный ценник на скатертях. В Дарьиной дверной раме стоял высокий узкий мужчина, в руке у него было пустое стальное кольцо с плоской золотистой линзой. Под полной раковиной дул оскаленный нагреватель. Удалось ему на Дашиного посетителя совершенно не дуть: две вертикальные трубы давали в стороне от тепла ровный маленький карман обычной температуры.

— Это наш жилец, — сказала Дарья. — Снимает поверх мастерской. Его комнату сносили ровно четыре утра в этом году, четыре перегородки у него сбоку от неё. Они внутри рассыпались к дождям, он переставлял себе кровать как в гостинице. Куда у нас места.

— Арик Сафарян, — представился мужчина. — Три перегородки. В четвёртом случае это было моё окно. Сделайте скидку, уважаемая, на то, что я сам себе испортил оконную тягу, потому что попытался заслонить солнце сатураторной доской.

Я сейчас уже человек известного сорта. Вижу в руке у человека линзу, должно быть, думаю я, прошёл с ней квартал посмотреть, в какую минуту дня он начнёт слепнуть. И только потом замечаю, что это обычные часы без стрелок, со странным промышленным креплением посередине. Он провёл меня в свою мастерскую. Рабочий стол круглой вдавленной коробкой шёл вдоль трёх стен, все винты и колёса лежали на белом, ничем не примечательном холсте. Тонкие листы таких холстов в своих инструментах держит каждый часовщик, можно в край-

нем случае перевернуть для придирчивого заказчика на чистую сторону. У стены поставили стопкой картонки от шоколадных батончиков. Я, к собственной досаде, всю дорогу мысленно делала опись чужих вещей.

— Вот это часы западной части галереи, — сказал Арик. — Большие, без секунд. Переключаем линию по другой части — здесь ход остаётся. Вот это часы солнечные, с лимбом в перевёрнутой перспективе, изготовлены по модному парку «Ссора». Такой особый парк, знаете? Невысокие бугры в виде ругающихся людей, при попадании светила на метку на лицах вздуваются в урочное время смешные носы. Я был там студентом. А это вам даже дарить не буду, вы их отбросите в первую же ночь.

Он показал мне тонкие синие клипсы с гибкими лепестками.

— Что они делают?

— Вы надеваете такую на переносицу, если вам нужно время полироваться в полной тишине. Тепло растёт — она сжимается. Представляете, как у вас к обеду от неё нос болит? Не качайте головой, это мой ранний опыт. Пришлось признать, что людям легче прищурить глаза.

Я едва не спросила, можно ли ему сделать обыкновенные часы. Он перехватил взгляд, снял со стены изящное мужское хронометрическое чудовище:

— Хотите ваши служебные киви на руке заменить на пять минут? Будете знать, у которого стрелка заканчивается ровно там, где подумал человек. Я тридцать лет отработал окулистом, потом у меня умер сын, и я нашёл работу, которую хочется делать до самого упора. Я не пересказываю длинно тем, кто от испуга может сделать вид, будто уже согласился. Ничего я вам продавать не собираюсь.

У него было крошечное окно размером с мою открытую ладонь на вытянутой руке. В окне смутно просматривались колени гуляющих с собаками людей, заводской подъезд старой охраны, где висели таблички с различными группами запретов и прав; под каждой такой группой надавленными тетрадными чернилами был продублирован перевод на языки жильцов. Именно там рабочие эмалевого цеха когда-то получали ежеквартальные полотенца и брали взаймы резиновые диэлектрические боты.

— Я пришла не потому, что мне хочется осмотреть квартиры. У нас на «Щепке» проходят створки из вашей группы. Может быть, потребуется карта распределения.

— Карту мы подержали в руках в коридоре №3. За мостом. Её нельзя предоставлять сторонним лицам. Здесь для получения сведений нужен собственник. А мы люди, которые снимают жильё. Представляете? Вчетвером владеем часами на стене, а бумажку под их задней крышкой читать нам нельзя.

— И кто собственник?

Он улыбнулся.

— Вы человеку с утра простыни принесли, правильно? Может быть, сами решите, когда спросить? Собственник у нас разный по числам и часам. Землёй владеет товарищество «Арка», само товарищество оформили на жильцов и работников закрытого завода. Они землю тогда вскладчину выкупили. Сорок восемь с половиной тысяч за весь комплекс, я к тем деньгам ещё мамину монету добавлял. И тогда была со стороны владельца земли одна большая солнечная прихожая, в документах так и написали — галерея. Окна в ней считались сто двадцать квадратов технического остекления на общем дворе. Моя комната приватизированной не была. Жильё мне предоставили на срок ремесленной работы, у меня нет даже условий опережающей покупки. Я всё равно уже старый. А молодые? Соседство платное у меня в обе стороны.

Из коридора мылом дотянуло до его квартиры; дверь за ним открывалась практически без порога, ни лестницы, ни съёмной решётки. Из окна мастерской видно было, как Дарья сидит в противоположной глубине, со спины, перед маленькой печкой. Рядом составлены белые пакеты с написанными по трафарету номерами. Женщина вскрыла один пакет, достала четырёхуголь-

ное лёгкое одеяло, обернула внутри и снаружи ещё двумя старенькими простынями, подошла к особенно тёмной комнате.

— Какая у неё мать? — спросила я.

— Генриетта Фёдоровна. Не надо её ругать, если она попросит вас выбросить какой-нибудь предмет. Очень раздражается на всякое чужое. Будет в коридоре стоять чей-то самокат, Генриетта Фёдоровна так наружные лампы раздует, что они лопаться должны. А она выходит редко, сейчас после перелома глухая кость. Нога. Видишь, я ещё и слова забыл.

— Сам-то подписывал что-нибудь на эту галерею?

— На пользование ночью, — ответил он и схватил меня за рукав, когда услышал, что спросила таким тоном, как будто у него говорящая гадюка из-под фартука выглянула. — Там логика, вы не стройте такие лица. Или мы работникам сохраним ночные периоды до двух, прежде чем спектровский аэродром начнут освещать, или соглашаемся сразу на общий объём вилки. Мы хотели сначала просто днём сидеть в любимом доме. Дети выучились, им нужно ходить в сад, в школу, а их никто туда по коридору без очков уже не проведёт. Я три раза ходил в приёмную. Последняя барышня мне предложила улучшить окно. Сменить раму, затонировать саму пластину. У меня, как вы видите, окно не в сторону их зеркал. Да и дом не мой.

К двенадцати над рельсами стало пусто. По воскресеньям рынок спал до полудня, и старая привычка спать до полудня делала со временем такой час совсем безлюдным. На первом заводском крыльце оказались мои вчерашние штаны: их привязали к балкону у равновесной створки, две ноги свисали вниз. Я только сейчас поняла, что это были две тряпки от разных вещей, сшитые наверху и повешенные как знак сломанной заслонки. Мальчик присел на корточки рядом со стальным поручнем. Напротив него другая девочка в красных ортопедических туфлях кормила серую длинную кошку, держа рукой каждый отдельный кусочек прежде, чем представить её острым зубам. Судя по поведению всех троих, они держали здесь свою республику.

— Это ты рисовал мне руку на талоне? — спросила я. — Где ты его взял?

— У мамы полная пачка лежит.

— Я не это. Ты сам пишешь или попросил кого-нибудь?

Мальчик взял с колен длинную серую нитку и затянул на пальце.

— Я сам, — сказал. — Мне Арсен дал слова правильно переставить. А то у меня получилось, что вы, пожалуйста, добавьтесь. Арсен знает. Я в этом году с учителем литературы только начал, я болел.

— Как тебя зовут?

— Тимур.

— Я тебя сколько лет могу благодарить за такой верный чертёж, Тимур?

— Шесть. Только мне уже восемь, — сказал он, не моргнув. — Почему вы так часто врёте людям про их возраст?

Сказал и ушёл в дырку в доме, которая приходилась напротив общественной прачечной. Оттуда тянулось глубокое регулярное «шо-тш». Когда-то на заводе эмаль наносили несколькими слоями, в общем корпусе достаточно было просто нажать на подвижную стенку, чтоб из соседнего сосуда вышла длинная плоская пачка чистящих щёток. Теперь «шо-тш, шо-тш» оказалось шумом старой машинки с отжимом. Я вернулась к человеку, которому привезла вчерашнюю распечатку.

— Пойдёмте во двор, — сказала Дарья. — Мама закрыла пакет, у нас час.

В центре двора над маленьким газоном висело бельё. Этот кусок обслуживал уже другой проект — узкий серый экран кронштейна на прачечной с затенением до часу и частичным просветом после четырёх. Двое молодых людей что-то укладывали в холщовые стульчики: спинка к спинке, задок к задку. Дырявый борт сушилки подпирал высокий каблук ботинка, вырезан-

ного из детской книжки и вклеенного в шершавую фанерку. Ботинок был такого смешного лимонного цвета, что мне сразу захотелось сфотографировать для Саши.

— А почему по эту сторону всё работает? — спросила я.

Дарья долила из железной бочки несколько струек, попав прямо под первый ряд фасоли на газоне.

— Брали отдельно. На эту двадцатиметровку все жильцы голосовали. Положено семье за пользование в июне пятьдесят девять с половиной. Я затем мыло и пеню. Если по чуть дороже брать за стирку, все, чьи сушилки намокают на той стороне, заплачут мои деньги с этой стороны. Миша воду носит в сад, Марго за порядком в чулане смотрит. По длине двух окон мы себя хорошо ведём. Это ещё когда началось, что каждый дом надо разобрать на дома по частям, чтобы на нём в свою очередь можно было кого-нибудь поселить.

— Можете вы показать бумагу, по которой решили распределить остальную галерею?

Не спорю: если со мной возле открытых дверей говорит человек из городской службы в воскресенье, к середине фразы у меня тоже бы подскочили брови. Дарья вытерла руки, обернулась в пол-оборота и допустила вполне человеческий вздох наружу из своего тесного корсета.

— У нас есть только заключение об имуществе. Об освещении не выдавали. Вы откуда едете, с Комбинатской? Там за мостом принципы даже написаны на стене — все условия нынешнего предоставления имеет права посмотреть собственник либо уполномоченный ему жилец. Я официально представляю только собственную прачечную.

— Так а кто же продал ваши тени? — спросила я.

— Ты простые слова так говоришь, как будто арбуз в киоске выбираешь, — сказала она, переходя на «ты» без объявления. — Загляни на табличку у входа. На половине прямо сказано, что солнечная гарантия на этом месте договором не установлена. На другой — на какие деньги мы свои нары дважды обивали светлым деревом, что не потрескается и не станет пахнуть варёной карамелью. Всё равно жжёт. Это я тебе и показываю второй день подряд.

Пустили меня к Генриетте Фёдоровне. Она играла в карты с двумя соседками, раскладывали крупными карточками размером с чайное блюдце; показывала Дарье жестом подбородка: «Мать кормить? Кого ты там кормишь, мама тебя ещё переживёт». На столике лежала полная банка дешёвой шоколадной пасты и к ней три десертных ложки, каждую поставили ручкой к своей едящей. Комнату им делало темнее широкое, сосновое, с сучками, приспособление для накрутки ниток. Так прежде раскручивали перетянутую матерью на вязанье овечью шерсть. По всем его четырём крыльям натянули бумажные листы и нанесли снаружи полосками ёлочную мишуру, чтобы часть приходившего в окно света улетала обратно в другую сторону. Ровно как мы делали у себя на вагоне, когда хотелось чуть дольше продержаться по эту сторону рабочего дня, если в стороне крутится неодетый до конца человек в рубашке и в его сон не хотелось заходить с огромным светящимся стеклом. Тут бумага отбивала блик прямо в уличный фонарь, где никому не мешала. Дарья накрыла штуковину и попросила меня ступить в коридор.

— В праздничную неделю наш договор велят отработать в пользу центра, — сказала она. — Ничего ещё. Но с первого сентября это ежедневно. Положено управиться до конца сроков, а срок подписания во вторую среду. К нему нам нужен человек, который сможет привести живых людей в их документ. Я тебе обещаю, за эту полость плачу налоги я, пускай не одна. А сколько времени у нас теперь до второй среды?

— Девять рабочих дней, — ответила я. — Сколько у вас живут здесь людей?

— Тридцать восемь семей. Остальное пересчитаем, тебе если придётся кого-нибудь выселять. Я не шучу, просто живут. Идут после работы, засыпают в окнах, ночью суп греют. Мыть машину пятый человек уже забодался, всё равно её моет каждый четверг.

Она протянула мне сложенную книжку в бумажном переплёте, без смешных защитных знаков и проклятых магнитных талонов. В ней было восемьдесят одно имя и тринадцать с половиной кошек, поскольку днём одна из них жила в мастерской у часовщика, ночевать уходила

на Садовую. Пять последних листов занимали платежи за трубы, прачечную и свет. Дальше — ежедневные прямоугольники расходов с чужими личными подписями, к определённым числам скреплённые длинными майскими дырочками. На последнем прямоугольнике стояли рядом с серым выцветшим чужим именем папины узкие буквы: «К. Антонов. Соседняя линия. Без возражений». Три года назад у него уже спросили, согласен ли он подтвердить, что рядом с крытым рынком никто не проживает. Я тогда как раз перешла из кондукторов в электромеханики группы.

Глава 4. Бригада переменного состава

В понедельник с утра нас взвесили. Передвижной вагон стоял по центру депо, вокруг выступала едва заметная стальная рамка весов. Сначала зашла я с вещевым мешком. Зелёный указатель перед вагоновожатым плюс шестьдесят два. Затем Полина со своими резинками плюс шестьдесят шесть. Это так чудесно, когда в наиболее пессимистичный для женщины час её дня всех взвешивают вместе с инструментом. Следом Дрон Сермяжников, третий раз за год нам его ставили в летнюю смену. На бумаге Адриан, мальчик лет двадцати трёх ростом с противопожарную дверь, с очень чёткими, как по стеклу обведёнными губами. Притащил здоровенный соединительный башмак и редуктор. Плюс сто семь.

Начальник депо Тамм записывал устанавливаемый вес. Депо называлось Верхнее Сборочное, хотя от самой низкой точки Створа его отделяли только крематорий и двадцать ободранных клёнов. Три деления вверх, папка «Бортовой лимит», значок погодной вилки, направление. В приказе на выезд стоял старый уклон. До десяти предварительно проверить стыки, собрать отголоски скользящих проводов. После перерыва выносной термографией обследовать крайнюю плоскость, предыдущие замеры не прошли электронный анализ.

— В каком смысле не прошли? — спросила Полина.

— Пишет «поверхностный световой дефект», — ответил Тамм. — Новая станция сверяет пять листов, если на трёх из пяти нет установленной средней температуры для того же самого времени, отклоняет. Это заложено в способ сверки. Вчера загрузили обновление. Я скажу сразу, чтобы потом никому не выходить из нашей квартиры с клубком неоправданных обвинений в руках. Вы там были на двух листах. Один с ваших показаний, другой от рынка. По рынку читается, что четвертая и шестая створки изменили наклон на половину менее положенного. Нам нужно проехать ещё раз и получить правильное третье устройство.

— А не из тех оно вышло, у которых люди на последнем этаже балкон открыли и поставили на подвеску кефир? — спросил Дрон. — Я в прошлом году два раза на такие выходил. На одном просили вернуть им кефир, а на втором над верёвкой не думали, развешивали стирку, наше всё в мохнатых прищепках, чуть стеклорез не выдался сквозь мешок.

— Кефир пока не извлекать, — сказал Тамм. — У группы особый порядок. Если поступит новый сброс, вы останавливаете вагон с отведённой стороны. Красные по документу не зажглись — рабочей зоны у опор нет. Сначала всем каски, потом уже отдыхайте отдельно.

В семь сорок железный шланг от тормозной проверки вышел из хвоста вагона, мы поехали. Технический люк Дрон оставил открытым, из чернильно-красного дна кабины густо несло дезинфектантом и сухими четырёхугольными вафлями из пакетика. Встав на цыпочки, он сдёрнул с полки свои перчатки. Вагон шёл сегодня по южной дуге, проходил детскую диспансерную с сенсорами разного цвета у каждой клетки, потом круглый стеклянный гостиничный стакан с вечным белым светом в столовой, потом магазин развесного гороха и службы быта, у которых над печатными вывесками горели глупые согласующие окна. Перед ними всегда замедлялись: канавка рельса спрессовывала мелкие прямоугольные гранулы натрия, от этого слетало на втором кронштейне декоративное стекло. Полина пересела ближе ко мне и подала бумажный стакан кофе.

— Ты про новые правила для школ что-нибудь слышала? — спросила.

— От Сашки. Она говорит, по жёлтым коридорам им теперь до пятнадцати лет нельзя без взрослого. Раньше было до двенадцати. А в чём проблема у тебя?

— У меня младшая сестра на обществе, с шариками для ритмики, там теперь пешеходную нитку для выходящих от троллейбуса решили перегруппировать. Пешке тринадцать, ребёнку шесть; я им на вторник дала свою карточку доступа, они со школы пойдут за рецептом к зубному. Если вахтёр захочет их проверить при возврате, больше у меня карточки не

будет, возьмут насовсем. Ну и как маленьким попасть к той женщине, которая зубы лечит? У Виталика зуб выпал в комнате за тумбочкой, три дня желаний на неделю заказывал, в итоге всё обойдётся родителям в две городские поездки из этого самого вагона.

— Попроси написать обход, — сказала я. — Жёлтый собирает на стройке свет, не так там страшно без трёх обязанностей.

— Попросила. Говорят, не дадим, мы если дадим вам на двух малолетних целый обход, к нам в конце лета придут с восемью тысячами школьников соседнего дома. Уже номера прислали, где обходить поверху. Там пять километров через заводские ворота.

Дрон за нашей спиной негромко откашлялся. Его обычно ставили к двум опытным городским работницам, потому что с пожилыми мастерами он ссорился из-за слова «положено». Ему принадлежала реплика, которую бригада повторяла последние полгода: «Положено мне — я и подниму». Как этим утром выяснилось, в свои двадцать три он как раз не считал всех вахтёров идиотами. У его матери киоск с охлаждёнными продуктами на Стрелке, там тоже не продлевали льготное присутствие ребёнка без заявления в поликлинике. Ребёнку, то есть ему, для работы летом не хватило семь дней до шестнадцатилетия, потом у него вздулся старый зуб и вахтёр отвёл его в травму на собственной машине. Девятнадцать пунктов дороже одного осколка.

— Полина же не просит всех карманников под поезд пустить, — сказала я ему.

— А мне какое дело? — спросил он. — Я только хочу знать, она правда на наше обучение получила деньги из общества мамочек? Могли бы и мне выписать килограмма два своих резинок. Или право быть сиротой в возрасте до сорока.

Полина потянула стеллаж, чтобы задеть его сухой локоть. Он развеселился, перешёл на другой край вагона искать чрезвычайно нужную пружину. Мы не перестали по одному взвешивать общую пользу коллег, когда как раз надо было спускать главную лестницу в новый световой двор.

Опора группы 38 стоит позади товарной площадки рынка. У основания бетонная сороконожка в крашеной резине, дальше алюминиевый ствол с овальными отверстиями, в их тени иногда встречаются очень серьёзные птицы. Высота двадцать пять метров. Металлическая лестница заканчивается небольшой стяжкой, на которой с трудом помещаются наши башмаки. С передней части вправо отгибаются два длинных крыла. Раньше они ходили во время проверки вместе — в южную сторону, откуда приходило после обеда солнце. Затем город разделил лицевую и обратную плоскости, переставил ролики. Одна стала пылесборником, поддерживала мелкоячеистую светло-серую ткань. Другая получила кромки, на ней были зеркальные линзы для переброса дорогого рыночного солнца на пролёты между опорами. Если все крылья этой группы поставить плашмя, сверху они напоминают двести бумажных лодок, поставленных сохнуть.

Мы сняли старую пломбу. Дрон внизу протащил свёрнутую поисковую ленту, Полина отвела загнутую вилку к карману торможения и трижды тестировала угол, как нас учили. Из ближнего окна кто-то долго глядел на нас в накладные бинокли; Полина приподняла закрытую молнией рубаху и показала адрес мастерской резинок, высотная реклама никак не тянула на нарушение устава. За тыльным краем гребёнки было хорошо видно на проход от рынка до «Арки».

Вдоль галереи чёрной пунктирной линией шли окна нижнего яруса. Выше, где земля поднималась, горизонтальное оштукатуренное крыло стеклянного цеха оставили садом. Из старых чанов высовывались гортензии и две высокие облепихи. Не наши ли, вручённые поздней осенью после списания разломанной изгороди Дашиной двоюродной тётке или кому там? Глаза впервые в жизни отказались мне услужливо докладывать, кажется, этот участок совершенно пуст. Сейчас солнце помечало бок здания легонькой полосатой тенью. До полудня шестьдесят пять минут.

— Глянь, — сказала Полина. — Это у них не вышел бархатный селектор. Это у них вся подвеска встаёт ребром. Смотри, тысяча двести один, ошибка допуска, ноль-ноль-четыре? При таком показателе он не может пропустить тебе половину наклона даже если постараешься, он бы прогнул коромысло наружу!

Высулась ближе к отметке. Над шкалой обычные цифры, краской по железу, на внутренних рисках пробегает индикатор. Шаг пять минут, спрашиваешь прибор каждые две секунды. На нижних вводах пыль. Сама разводка в мытье не нуждалась. Я попросила у Дрона белую съёмную карту. Вчерашний семиконтактный файл, который Полина создавала напрямую, уже был забит служебным штрихом станции. Пятнадцать минут записи съехали до трёх рядов средней. Разумеется, на рабочем экране среднее поверхностное сорок два. Макушки скользят мимо людей, оконных штор и Земли без увеличения габарита, если плёнка попадает не в пробник на стене, а в бьющую щеку жильца. Здесь я впервые увидела, насколько просто всё это было решить технически: перенеси одну точку на двенадцать сантиметров и получится очень хороший результат работы.

— Теперь уже не проверка поломки, — сказала я. — Кто поправку смещения дал?

— Коммерческий тариф. Я сбросила снимки на карманный датчик, там до сих пор 119,7. Сработал на заднюю стяжку, вполне себе реальный. Основной интегральный здесь, десять метров к западу. Он видит только двор. Теперь берёшь и ставишь свой.

Мы ставили временную угловую подвеску, обеспечивая ей собственный паспорт. Дрон внизу на прицепе прикрутил датчик контроля помещения к телескопическому кронштейну и выдвинул на уровень вчерашней зелёной шторы. Отсюда было видно, как Тимур смотрит из форточки на отражатель и как каждый раз выныривает у него за спиной большой палец взрослого: показать, что инструментом управляют свои. За первым измерением сняли второе. Только один, затем шесть, двенадцать секунд настоящего пятна на горловине комнаты. Сумма нагрева пропорциональна времени и тому, как хорошо материал отдаёт тепло. Лист бумаги на подоконнике, вопреки нашим ожиданиям, не потемнел. Лимонная карамель в фантике уцелела. А анодированный чёрный кронштейн нагрелся так, что Дрон махнул ладонью и обозвал установку целиком публичным домом. На сорок седьмой плоскости, если средняя температура за двадцать минут оставалась в установленных границах, не предусматривалось автоматической защиты. От прямого белого солнца прикрывали торговую выставку за рынком, там продление гарантий работало как часы: выкинь на крышу голый стеклянный горшок, и серое крыло ради него сдвинется ещё на восемь пальцев.

Признаюсь, меня не сразу возмутили эти результаты. Сначала пробрала восхитительная радость человека, который понял неисправность и может всё разложить на рельсах цвета слоновой кости, исчирканных на двух лестничных пролётах схемах. Лишь когда мелкая тень проползла по галерее, я заметила отдыхающую там старуху. На носу тёмная защитная плёнка, обычно её клеят детям на щёки, если беременных матерей интересует молчание в транспорте или человеку рекомендовали уменьшить яркость при движении. Она выглядела, будто добровольно выкрасила себе лицо в синий горошек. Я уже знала эту бабушку, недавно рассказывала, что ей за столом досталась последняя ложка шоколадной пасты.

— Передайте старшей, — попросила я Дрона, — всё, измерили. Окно не надо держать открытым.

Он показал мне поднятый большой палец. Чего ж раздумывать: договор велит поставить три прибора, поставили; приборы показывают, за что человечество теперь получает деньги, и не хотят, не умеют, не собираются измерить что-либо дополнительно. Отсылай начальству и раз в жизни не мешай решать взрослым людям, что им делать.

Я заполнила первый лист, подписала второй. Цветовой индикатор удерживал зелёный до момента, пока вводила новую точку. Потемнел. Снова стал зелёным. На экране высветилось: «ЗАЯВКА НА ПОВРЕЖДЕНИЕ. ПРОШУ ПЕРЕВЕСТИ В ПЕРЕГРУЗКУ С УСТОЙЧИ-

ВЫМ ПРОПУСКОМ. ПОДТВЕРДИТЕ ПОЛНОМОЧИЯ». Маленький палец Полины лежал на кнопке отмены. Тамм не шутил: у них выучились оформлять повреждения участком средней температуры, а у нас в бригаде следовало истинные явления перегонять обратно в предельные. Жилой жалобе предстояло остаться в журнале как нагрузке на услугу. Можно захотеть много света в доме, получить много и решить, что это всё-таки слишком даже для столь опрометчивого желания.

— Подпиши, — сказала Полина. — Раньше времени такое не отвергают, в архиве останется первая строка и график.

— А можно я напишу «для жилой галереи»?

— На личном листке. Первый по схеме идёт под старой табличкой.

Я нажала взглядом на дату новой вилки, и мне зачем-то сделалось стыдно за наш разговор о школьницах, которым рано или поздно попадётся приличный вахтёр. Когда люди с утра спорят о законном желании петиции получить так называемое зелёное окно, часто наверху сидит их же собственная подруга и тыкает в заместо них одну-единственную кнопку на чёрном стекле. Потом она принесёт им домой привезённую из соседнего района соль крупного помола, они порадуются, и ничего больше. Я подписала.

В этот момент из нашего вагона на шесть опор вверх, как радостная сводка после соревнований, вылез негромкий, но неотвязный голос Дрона:

— Оль! Ты нас какая поперечная дала?

— Меня зовут Олеся. Тринадцать дельта. Левую.

— Разница два двадцать. У нас на внутреннем механизме твоё имя и тоже двое на восьмом листе. Ты подписывала исходную схему?

Я вгляделась. На внутренней стороне серой балки, закрытой ранее проверочной пломбой, годы вяло обесцвечивали ярко-серебристую штриховку. В рабочем паспорте жилой участок, устранён из нагрузочных поверхностей, заявок нет. Личная печать мастера «ОА-103». Я умею читать буквы.

— Схему не подписывала, — сказала я. — В восьмом листе могла актировать состояние. Три года назад, в апреле?

— В июле. Там кривая поправка индивидуальной рукой стоит, так что электронщикам не спихнём. А дом отмечен как свободный. Давай допишем к твоему файлу.

— Допиши, — сказала я. — Снимок и номер подписи. Я внизу посмотрю, куда дальше идти.

— Ну а ты согласись пока, — сказал он. — А то я стою с рукой в чьём-то супе, и они уже мне выдали ложку.

Глава 5. Жёлтый коридор

Школа у Саши кончилась три недели назад. День, когда ей надо было вернуть в шкаф ключ от фотолаборатории, кончался через два часа. Жанна упёрлась: забрала девочка в пятницу ключ у вахтёра, той же своей ручкой положит его обратно. Не стала я спорить. Мы шли к ней пешком; Саша справа, нарочно обходила плоскими шагами отбелённые квадратики мостовой. У каждого в нашем городе есть склонности: одни стучат по левому столбу перед домом, в котором живут; другие садятся в зарезервированный автобус непременно на государственное первое кресло, потому что на нём вышит за счёт казны день открытия. Саша так пересчитывала зачернённые участки, чтобы ежеминутно знать, на какой у неё запас кадра.

— Ты хочешь сегодня в галерею ихнюю? — спросила она. — Мне мама про неё рассказывала. У неё в молодости была фотография с молодой крашеной ногой, торчащей из двери. Повредила какой-то женщине ногу дверь, вот как у человека получился первый важный снимок местности, где он живёт.

— На снимке нога мамина?

— Не знаю. Есть такая картинка. Она хранится у Нади Будяковой за последней этикеткой.

Когда мы вышли на площадь тепловиков, на часы показали полтретьего. Батистовые шторы у окон регулировались тремя степенями тени, перила на углу были обмотаны так плотно, как будто под ними лежал ещё один, очень большой, трубный, голый дом. Из-под лестницы к нам вышел дежурный. На рубашке у него был самый отчётливый из знаков надземного прохода — жёлтый брусок под низким белым солнцем. Круги от пота под мышками уже обошли ткань до поясницы.

— Дамы, — сказал он, — направляетесь к лаборатории?

— К бывшей девятой школе, — сказала Саша. — Получатель руководитель курса «Смотрим вдаль», снятие пломбы с ключа в обеих наших копиях. Заявка электронная, могу проверить.

— Девочке сколько? — спросил дежурный у меня.

— Через пять минут, как посмотрите её в умную карту, будет всё ещё тринадцать, — сказала я. — Сейчас тоже. С пятого января.

— Вы при ней кем состоите?

— Партнёр отца, — сказала я. — У меня нет документов поверх факта, что она живёт со мной много дней в году. Я её знаю, если что.

— А ребёнок может представить подтверждение из двух семейств? Паспорт опекуна, письмо со школы. На выходные могу показания квартиры принять датированные.

Человек не ограждал от детей ничего, кроме дорожки, проложенной поперёк живого прохода. Мне вовсе не было от него больно или как-нибудь особенно страшно; и у Саши, когда та улыбалась, её хитрая улыбка не выклянчивала из небытия привилегий. Мы просто шли от дома к школе, три года назад мне и в голову бы не пришло засечь, сколько времени эта часть займёт, но сейчас все говорили, что расписание работы жёлтых коридоров пересмотрено в интересах несовершеннолетних. Никакой это не жёлтый тоннель. Сверху шли заводские крылья с понижающим покрытием, остаточный дневной свет подавался на открытые технические площадки. Домам, смотрящим на эту сгущённую жилую часть, давно отвели составной полумрак. Жарко было только пешеходам.

— Вот что у меня есть, — сказала Саша.

На экране телефона у неё показались распахнутые окна в мастерской, поправительно-математический школьный адрес, почасовое разрешение на занятия в трёх остановках

рельса отсюда. Дежурный выбирал из строки в строку, заранее оставляя развёрнутый смысл жизни за более тёмным начертанием.

— До пятнадцати лет самостоятельный маршрут только при пониженном индикаторе. Индикатор давно в жёлтом. Сопровождающий с другого адреса должен получить допуск либо вас на дальнем конце отдадут классному руководителю под его ответственность.

— У нас каникулы, — сказала Саша. — Классная не работает. Мне просто вернуть ключ обратно.

— А у вас ничего государственного? — спросил дежурный в мою сторону.

Я запоздало покраснела. Государственное у меня на груди влипло в клейкую подкладку потной рубахи так, что можно вытащить через горло и читать, не трогая. Я могла вывести эту очень тонкую девочку со своей стороны к окнам школы и ввести её на техзону задним числом как посетителя. Однако разница между нашей мастерской и чужим местом была в одной вещи: в случае неблагополучного исхода технадзор отвечал и за своих посетителей, а семейный проход задерживал нам дыхание бескорыстно.

— Нет, — сказала я. — Только моя рабочая карточка, она совершенно на других основаниях, не будем её сюда приплетать.

— Гляньте сюда, — сказал дежурный. — В пятнадцать двадцать должна прийти метла на два поворота. С трамвайного козырька упадёт тень, можем вас обеих пропустить как привычных ежедневных. Сорок пять минут, если не хотите идти в обход.

— Это вы имели в виду у нас третья точка контроля смазана? — не выдержала я.

— Где у вас?

— Ну здесь. По шкале четвёртого указателя. Площадь обслуживания не должна зеленеть с приходом чужой метлы, у неё есть собственный козырёк в двадцать шесть квадратов. Вы что же, до уборки вообще не выпускаете с жилых улиц маленьких?

— Вы не наша комиссия, — сказал он без досады. — Хотите написать в город, вон коробочка тонкая у металлической пластины. В неё положите. Я и сам за эту неделю четыре раза писал. Подшивают к текущему термическому режиму. Девочек сами видите, на солнце больше не стало от этого.

Мы пошли в обход. Саша сунула мне в раскрытую ладонь неприкрытый металл аппарата: «Подержи, я рукав спущу». У её локтя отличался цвет незагорелой кожи, полоска от нашитой на спортивную кофту гербовой медали школы. Она оглянулась на дежурного, дождалась, пока стало понятно, что он не может услышать. Повернула носком ноги серый стакан от воды.

— Ты просто могла сказать, что ты моя мать. Какая ему разница. У него же не препарат для пробы нашего наследственного кода в этих штанах.

— Зая, я попросила у него не считать документы. Кого-то назовёшь матерью, следом ему придётся за тобой всюду ходить.

— Ты мне как бы никто, понятно? — спросила она, вдруг сморгнув. — Если бы я ему это сказала, вообще не поверил бы, что ты со мной, ты бы стала брать меня за руку. Вроде у тебя ни одного своего ребёнка и вахтёру ничего не надо про это знать.

Мы спустились под первый мост, пересекли холодный одежный рынок, где висели рядами шубы из выкрашенного в горошек искусственного меха. Сверху через квадратики световых люков изредка проходили белые куски фонарей: бело-тёмно-бело. Лифт, который прежде вёз к рынку людей на колясках, объезжавших жёлтый коридор по длинному общественному пути, теперь стоял, закутанный лентой с очень пожароопасным названием «НЕ МЕШАТЬ НАПОЛНЕНИЮ». Прошли мимо баночной службы городской воды. Людям, которые были на субсидии, полагались две бесплатные банки минеральной питьевой жидкости с добавками вкуса косточки и ещё три за своих детей. Саша сняла на плёнку вмятину от затылка на серебряном щите у лестницы.

— А ты кем хочешь быть? — спросила я её, когда мы вышли на тихую улицу, где над дорогой шумели белой шершавой листвой тополя.

— У меня уже две школы закончились, за которые меня этим затравили, — сказала она. — Со школой я была бы не обязана выбирать, хотела бы до шестидесяти ходить к началу четвёртого урока и страшно долго опаздывать. Что там по времени?

— Через двадцать пять минут закрываются.

— Значит, добежим.

Добежали мы без двух минут. Дежурная в школе сама подошла к стеклянной двери, полузакрытой по внутренней скобе, и ещё у нас вышли бы из этого в принципе вполне добрые спокойные воспоминания о том, как в городе стояло жаркое лето, кахали автобусы, глупые люди скупали крыши, а хорошие вовремя сдавали ключ. Если бы ключа у Саши не оказалось.

Она в панике вытащила из сумки матерчатый пенал, два конических футляра с плёнкой, открытый пакет кукурузных хлопьев и смятый, замечательно похожий на мумию банан. Громко, в две ноты, сказала: «Пе-ец», убрав, видимо из уважения к обиженной школе, один слог. Я обшарила задний карман своих штанов, как будто ключ каким-то магическим путём в него переплыл. За дверью смотрела на нас очень взрослая женщина, ухмылялась.

— Не совсем вся эта хлопотня из-за зарплаты учителя, — сказала она. — За ключ тебя никто не будет за дверь тащить, просто пломбу не спали, это городские. А ты пенал открой.

Саша открыла. Красной трубчатой верёвочкой к молнии внутри был привязан длинный плоский школьный жетон. Возле круглой дырки в пенале белело рассыпанное молоко от съеденных вчера хлопьев. Жетон вернули под стекло с аккуратно записанным временем, женщину звали Зоей Валерьевной, она не преподавала ни одного известного в природе предмета и получала без малого в три раза меньше обеих смен производственной работницы по глине. Фотоаппарат они с Сашей осматривали вдвоём, пока я сидела на корточках и раздевалась от парной рубахи прямо на месте.

Вчера я отвезла Дарье стопку фетра. Сегодня вернулась из смены скорее к Дамиру, чем к себе. Так в жизни и образуются у людей районы: один раз ты можешь пройти их за пять минут, потом полтора часа выкраиваешь для той же цели среди бела дня. Так почему же у меня такая привычка считать, будто люди в Арке не пробовали бы отыскать решения, прежде чем швырнуть под вагон расписанный детским маркером талон?

У выхода из школы Саша поставила аппарат на нижнюю уличную приступку, вытерла салфеткой кромку затвора и отправила матери снимок с собственным лицом и прорезанным временем отметки в приёмном журнале. Жанна спросила: «Кто тебя пропустил?». Девочка ответила: «Обошла. Вот тебе про сто лет ногам». Мать прислала в ответ один зелёный перец, что в их семейном толковании означало «выеду поздно». У меня от этой маленькой шутки, которой я даже не знала, почему-то зазвенело в голове крепко и оглушительно. Не моя дочь. Кто она мне, кроме половины моего свободного времени, кроме трёх маленьких родинок у большого пальца и первой недели переделанной мною за неё географии, когда я сама ещё не поняла, до какой степени материк в новой школе принимают за генеалогическое древо?

— На пекарню идти недалеко, — сказала Саша. — Она с этой стороны. Там есть старый шкаф для отдыха таксистов, знаешь? Ты можешь одна туда залезть и пять минут меня не видеть. Если хочешь.

— А ты в нём что делала?

— Покупала себе кукурузные хлопья. Там под окном раньше автомат стоял. Знаешь, ты так про нашу пекарню говоришь, как будто мы с тобой знакомы меньше полугода. Дома я тебя всё равно люблю.

Я не успела ничего ответить. Девочка убежала вперёд с такой быстротой, какая даётся один раз, когда ты ещё умудряешься годами не замечать, что на левой ноге носок вечно сползает к пятке. С тарелочного верха у узкой широкой двери сыпалось на спину выгоревшее кон-

фетти. Общая вентиляция города вытаскивала из торговой галереи длинные бумажные хвосты давно прошедшего первого сентябрьского звонка и весенних выборов городских артистов. Сашка показала пальцем на два окна.

Пекарню Дамира превратили из ночной в двойную. Здание закладывал его первый работодатель Вагарша. К старости он выплатил приличную сумму за спокойную прохладную смену и сгорел на сердце, если так сказать, ещё до того утра, когда операторы перестали списывать электричество по субботам. Он оставил не только нам, но всем своим бывшим работникам право заходить в сушильную поесть хлеба — всё, кроме денег, это предприятие привычно выполнило. На низком прилавке стулами вниз стояли треснувшие подложки под пшеничные буханки. Плохо просохшая вырубка с фамилией Вагарши и датой открытия пекарни вскочила по самому краю, но буквы были различимы.

Саша вынула из-за пустой морозильной камеры дверку с мягким матрасом, сложенным в два раза. Шкаф для отдыха. Достаточно глубокий, чтобы человек средней комплекции забрался туда с головой и притворил за собой фанерную дверцу. Снаружи на ней крючок и винтик, внутри только крючок с перекладиной: заключить насильно никого не выйдет. Несколько лет по дневному пеклу здесь спали двое пекарей и уборщица, у них дома на время обновления контрактов отняли все часы северного окна. Протокол давал право заснуть на рабочем месте заранее, главное было принести запасную рубашку и не задерживать выпечку лепёшек для соседней поликлиники.

— Папа в этом шкафу спал три года, — сказала Саша.

— Ты сверяй с действительностью. Он здесь работал полгода до моего знакомства с депо, — сказала я.

— Ты спала на чердаке с окнами и не знала ничего, — сказала она. — Ты думаешь, почему он взял меня сперва на три ночи в месяц из семи? Если я с ним, он должен не спать в шкафу, а другое место себе искать. Он у Жанны ночевал, на одеяле, у двери. Там было очень жарко, но он настаивал. Нас двоих к себе в шкаф никак не положит даже самый лучший папа. И там нога из полки торчала. Он её мне тогда и дал сфотографировать. Маме снимок очень понравился.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.